РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СПбИИ
V 590

НОВГОРОДСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

12 (22)

Санкт-Петербургский
институт истории
БИБЛИОТЕКА

Альянс-Археo
Москва – Санкт-Петербург
2011

Статьи 12-го (22) выпуска Новгородского исторического сборника представляют исторический путь древнейшего русского города от эпохи Средневековья до новейшей истории. Формирование государственного устройства, великий князь и церковь, политические и социальные осложнения Смутного времени, религиозные противоречия, археология и памятники искусства, финансово-экономическое состояние города в XIX в., партийные документы 1920–1930-х гг. и новгородские страницы из истории Великой Отечественной войны, публикации письменных источников XIII–XV вв. составляют обширный исследовательский материал настоящего издания.

Редакционная коллегия:

Ананьич Б. В., академик РАН; *Буланин Д. М.*, д. филол. н.; *Васильев Я. А.*, к. и. н.; *Вовина-Лебедева В. Г.*, к. и. н.; *Гайдуков П. Г.* – чл.-корр. РАН; *Гордиенко Э. А.*, д. и. н., зам. отв. редактора; *Коваленко Г. М.*, к. и. н.; *Плешков В. Н.*, д. и. н.; *Селин А. А.*, д. и. н.; *Черняев В. Ю.*, к. и. н.; *Янин В. Л.*, академик РАН, отв. редактор

Рецензенты:

Свердлов М. Б., д. и. н.; Козлов С. А., д. и. н.

Утверждено к печати С.-Петербургским Институтом истории РАН

© Коллектив авторов, 2011
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2011
© Э. А. Гордиенко, составление, 2011
© ООО «Альянс-Археo», 2011

ISBN 987-5-98874-066-5

ИССЛЕДОВАНИЯ

П. С. Стефанович

ЗАГАДОЧНОЕ ИЗВЕСТИЕ ЛЕТОПИСИ: ДРЕВНЕЙШАЯ ДАНЬ ИЗ НОВГОРОДА В КИЕВ

Летописное известие и его исследователи

Под 6390 (882) г. «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) сообщает, что князь Олег предпринял поход из Новгорода на юг, захватил Киев, убив правивших там Аскольда и Дира, и обосновался в этом городе. Деятельность в качестве главы нового политического образования он начал со строительства городов и установления дани с подчиненного населения, в том числе с Новгорода. С этим эпизодом первоначальной русской истории связывают основание государства Киевской Руси.[1]

Цитируя сообщение, М. П. Погодин заметил: «вот место одно из самых трудных в Несторе, и во многих отношениях».[2] Слова были сказаны уже более полутораста лет назад, но правоту их приходится признать и сегодня. В историографии нет удовлетворительной интерпретации этого небольшого летописного текста. Сообщение не ясно само по себе, но со времен М. П. Погодина возникли и новые трудности в его понимании. Дело в том, что ученые стали учитывать в большей степени данные Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛмл), которая, как показал А. А. Шахматов в начале XX в., в части текста до 1015 г. отразила летописный свод, более ранний по сравнению с ПВЛ. А. А. Шахматов, назвав этот свод Начальным (далее – НСв), показал на убедительных примерах, что именно он лег в основу ПВЛ, которая была создана во втором десятилетии XII в. и дошла до нас в двух редакциях, представленных теперь Лаврентьевской и Ипатьевской летописями (и родственными им). По мнению А. А. Шахматова, НСв был составлен в Киеве в 1090-е гг.

В НПЛмл изложение этого эпизода существенно отличается от рассказа ПВЛ. Наиболее яркое расхождение состоит в том, кому приписывается ведущая роль в походе и захвате Киева, а также полнота власти в новом политическом образовании. В НПЛмл это – князь Игорь, сын Рюрика, а в ПВЛ – Олег, выступающий в НПЛмл лишь воеводой Игоря.

---

[1] См.: ПВЛ. С. 14 (текст), 150 (перевод), 408–410 (комментарий Д. С. Лихачева).

[2] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. 3. С. 79.

В данной статье внимание будет сосредоточено только на нескольких фразах в конце рассказа, касающихся собственно установления дани. Ниже приводятся варианты НПЛмл (по Комиссионному списку) и ПВЛ (по Лаврентьевской летописи) без знаков препинания с основными разночтениями в соответствующих летописных списках.[3] Косые черты обозначают логические паузы, которые выделяются без затруднений. Текст НПЛмл согласно с этими паузами разбит на пронумерованные фрагменты.

НПЛмл:

1 И сьде Игорь княжа в Кыевѣ / **2** и бѣша у него варязи мужи словенѣ (*Тол*: мужи варязь словени, *Тр*: мужи варяжи словени) / **3** и оттолѣ прочии (*так в Тол и Тр, в Ком* прочии *приписано на полях*) прозвашася русью / **4** сеи же Игорь нача грады ставити / **5** и дани устави словеномъ и варягомъ даяти (*Тол*: устави дани даати словеном и варягом, *Тр*: устави и дани словеном и варягом даяти) / **6** и кривичемъ и мерямъ дань даяти варягомъ / **7** а от Новагорода 300 гривенъ (*Тол, Тр*: гривенъ триста) на лѣто мира дѣля / **8** еже не дають.[4]

ПВЛ:

Сьде Олегъ кънъжа въ Киевѣ / и (*в Т нет*: и) рече Олегъ / се буди мати градомъ руским / и (*в Т нет*: и) бѣша у него варязи и (*в Т нет*: и) словьни и (*в Т нет*: и) прочи (*ИХ*: словьни и варязи и прочии) прозвашася русью (*Т*: русь) / се же Олегъ нача городы ставити / и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери и [устави – *ТРАИХ*] варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля / еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.[5]

В НПЛмл текст выглядит не очень ясным, а в ПВЛ изложение как будто более или менее связно. Тем не менее, некоторые соображения позволяют утверждать, что внешняя логичность сообщения в ПВЛ – это плод догадок, принадлежащих позднейшим летописцам, а первоначальный текст передан в НПЛмл, хотя и в несколько испорченном виде. Эти соображения впервые высказал Шахматов, в настоящей статье они развиваются и уточняются. Здесь предлагается также историческая интерпретация полученного исходного летописного текста с целью разъяснения, о каких данях, прежде всего с Новгорода, идет речь. Краткий обзор историографии, в котором особое внимание уделяется точке зрения Шахматова на соотношение НПЛмл и ПВЛ в данном месте, предшествует исследованию.

---

[3] Летописные списки здесь и далее обозначаются следующим образом. Списки НПЛмл: *Ком* – Комиссионный, *Тол* – Толстовский, *Тр* – Троицкий. Академический список, в котором недостает начальных листов с текстом этого сообщения, обозначается далее *Акад.* Списки ПВЛ: *Л* – Лаврентьевская летопись, *И* – Ипатьевская, *Т* – Троицкая, *Р* – Радзивиловская, *А* – Академическая Московская, *Х* – Хлебниковский список Ипатьевской летописи.

[4] НПЛ. С. 107.

[5] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 23–24.

До появления работ Шахматова ученые всегда исходили из варианта текста, представленного в ПВЛ, или из вариантов в позднейших летописях, которые в той или иной степени опирались на ПВЛ. Большинство историков, начиная с В. Н. Татищева,[6] не сомневаясь в достоверности текста, понимали сообщение в том смысле, что Олег обложил данью словен, кривичей и мерю в пользу варягов и что эта дань выплачивалась Новгородом до смерти Ярослава в 1054 г. Разногласия вызывали два вопроса: во-первых, кто были варяги, получавшие дань, и во-вторых, как соотносилась эта дань в 300 гривен с той данью, которую, согласно сообщению ПВЛ под 6522 (1014) г., должен был платить Ярослав из Новгорода своему отцу Владимиру в Киев. ПВЛ, начиная рассказ о междоусобице между сыновьями Владимира, сообщает, что Ярослав собирал в Новгороде 3000 гривен, из которых 2000 должен был платить отцу, а 1000 «Новьгородь гридемъ раздаваху» (см. текст летописного известия ниже).

Н. М. Карамзин (опираясь на А. Л. Шлёцера) и С. М. Соловьев считали варягов, получавших дань, установленную Олегом, скандинавскими наемниками (или дружинниками), которые защищали Новгород, в то время как князья пребывали на юге в Киеве. С этими варягами отождествлялись гриди Ярослава.[7] Правда, отождествление это получалось неубедительным, прежде всего из-за расхождения размеров дани в известиях 882 и 1014 гг. По этой причине М. П. Погодин предложил альтернативную трактовку. По его мнению, в известии 882 г. различались дань, полагавшаяся с перечисленных племен в Киев, и побор с Новгорода в пользу варягов в 300 гривен. Под варягами имелись в виду «заморские варяги», то есть те, которые постоянно угрожали Новгороду и для защиты от которых был призван Рюрик. С уходом Олега на юг эта угроза внешней агрессии вернулась с новой силой, и на ее замирение и собиралась дань «мира деля». Прекращение выплаты со смертью Ярослава историк объяснял тем, что к этому времени «заморские варяги утихли, уселись на местах». 3000 гривен, собираемых Ярославом, не имели никакого отношения к этой выплате «за море», но, возможно, были как раз данью, полагавшейся в Киев.[8]

В дальнейшем, однако, большее распространение получила интерпретация известия в духе Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. В частности, ее придерживались В. О. Ключевский и А. Е. Пресняков, каждый из которых, впрочем, добавил собственные важные наблюдения. В. О. Ключевский обратил внимание на чтение Никоновской летописи, которое отсутствует в НПЛмл и ПВЛ. Представляя соединение вариан-

---

[6] *Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 2. С. 34, 210; М., 1964. Т. 4. С. 114, 397–398.

[7] *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 100, 160, 248–249 (1-е изд.: СПб., 1816). *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 1 // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 133 (1-е изд.: М., 1851).

[8] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции... С. 80–85. Мысль о дани агрессивным скандинавским соседям изначально принадлежала А. М. Ф. фон Рейцу, Погодин лишь развил ее, см.: *Reutz A.-M.-F. von.* Versuch über geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung. Mitau, 1829. S. 24.

тов НПЛмл и ПВЛ, Никоновская летопись приписывала установление дани Олегу, но заканчивала сообщение словами НПЛмл, хотя немного в другой редакции: к словам «а отъ Новагорода триста гривен на лѣто мира дѣля» она добавляла «еже и нынѣ дають».[9] Сопоставляя хронологическое указание в этой редакции («ныне») с альтернативным «до смерти Ярославли» в ПВЛ, В. О. Ключевский делал вывод, что первое чтение, случайно сохранившееся в Никоновской летописи, принадлежало летописцу, работавшему до смерти Ярослава.[10]

А. Е. Пресняков в работе «Княжое право в древней Руси», опубликованной в 1909 г., сопоставил известие о дани, наложенной Олегом «мира деля», со свидетельствами, приведенными в работах А. Н. Ясинского,[11] о налоге, который существовал в Чешском государстве в XII в. под названием tributum pacis – «дань мира». А. Е. Пресняков предположил, что как в Чехии, так и на Руси «происхождение этой дани могло быть в плате на содержание княжой дружины» и этой данью облагалось прежде всего городское население, призванное и организованное князем в сотни, в отличие от племен, которые сохраняли свою организацию и выплачивали дань отдельно.[12] Однако это предположение носит чисто гипотетический характер и не объясняет, почему именно новгородская дань была обозначена в летописи как выплачиваемая «мира деля».

Известие об «Олеговой дани» привлекало внимание А. А. Шахматова неоднократно, главным образом в связи с теми разночтениями, которые он обнаруживал в передаче текста в разных летописных списках. Его представления об эволюции этого известия от первоначального вида к позднейшим исправленным и искаженным вариантам менялись в связи с его общей схемой летописания, которую он, как известно, корректировал до конца жизни. Ученого интересовало не только соотношение НПЛмл и ПВЛ, но и восстановление этапов летописания до НСв, а также судьба новгородского летописания в XII–XV вв.

В ранних статьях А. А. Шахматов обратил особенное внимание на заключительные слова варианта НПЛмл: «еже не дают». В статье «Сказание о призвании варягов» (1904 г.) он охарактеризовал эти слова как «дефектное» чтение и, опираясь на результаты, добытые в ходе изучения позднейшего летописания, отнес их появление к выделенному им «своду 1448 г.», то есть общерусскому своду, который объединил новгородскую и северо-восточную летописные традиции и лег в основу не-

---

[9] ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 15.

[10] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Т. 1. С. 97 (1-е изд.: М., 1904).

[11] *Ясинский А. Н.* 1) Падение земского строя в Чешском государстве (X–XII вв.). Юрьев, 1912. С. 68–72 (1-е изд.: Киев, 1895); 2) Очерки и исследования социальной и экономической истории Чехии в Средние века. Юрьев, 1901. Т. I: Основа социального строя Чешского народа в эпоху господства обычного права. С. 275–281. Впервые чешскую «дань мира» сопоставил с известием русской летописи о дани с Новгорода чешский историк права Г. Иричек: *Jireček H.* Slovanské právo v Čechách a na Moravě. Doba druhá: Od počátku XI. do konce XIII. století. Praha, 1864. S. 142–144.

[12] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 167, примеч. 94. Ср.: Там же. С. 323, 436.

скольких дошедших до нас летописей, прежде всего Софийской I и Новгородской IV (отсюда его название, закрепившееся в историографии – «Новгородско-Софийский свод», далее – НСС). В этих летописях сообщение о дани представляет собой контаминацию вариантов НПЛмл и ПВЛ, но в конце его мы находим чтение НПЛмл: «еже не дают».[13] По мнению А. А. Шахматова, это чтение в НПЛмл было «заимствованием» из Новгородской IV летописи. Возникло же оно в результате правки составителя «свода 1448 г.» (НСС), который таким образом скомбинировал чтения НСв («еже и нынѣ дають») и ПВЛ («еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ»), представленные в двух разных его источниках – соответственно, «новгородском своде 1421 г.» и «общерусском своде 1423 г. (Владимирском полихроне)».[14]

А. А. Шахматов находил и другие испорченные места в этом известии. В своей статье он предпринял первую попытку реконструировать текст известия, который был в НСв. Ученого больше интересовал текст «Сказания о призвании варягов», но он добавил к нему и известие о вокняжении Игоря в Киеве, поскольку оно было по содержанию связано со «Сказанием» и важно для А. А. Шахматова хронологическими отсылками. Эта реконструкция текста второй половины XI в. в нормализованной орфографии выглядит так:

И сѣде Игорь кънѧжа в Кыіевѣ. и бѣша оу него моужи варязи и словенѣ и отътолѣ прозъвашасѧ роусию. сь же Игорь нача градъі ставити. и дани оустави словѣномъ и варѧгомъ даіати. и кривичемъ и мерѧмъ дань даіати варѧгомъ. а отъ Новагорода т҃ гривьнъ на лѣто. мира дѣлѧ. еже и нъінѣ дають.

В реконструкции автор в целом опирается на список *Ком* НПЛмл, хотя в одном случае предпочитает чтение списка *Тол* (хотя и его немного подправляет): вместо «варязи мужи словене» – «мужи варязи [и] словене», а в двух случаях корректирует текст: опускается слово «прочии» и вместо «еже не дают» дается «еже и ныне дают».

К восстановленному первоначальному тексту легенды о призвании варягов А. А. Шахматов дает краткий исторический комментарий. По его мнению, приглашение варягов было совместной акцией трех племен – словен, кривичей и мери (упоминание чуди в «Сказании» он считал вставкой – ср. ниже) – ввиду угрозы с юга, из Киева, где укреплялось государство руси. Варяги появились на севере «не в качестве даньщиков и насильников, а в качестве наемной дружины, военной силы, призванной для защиты северных племен от южнорусского государства», и «доказательство» этому А. А. Шахматов видел в первую очередь как раз в указании на «дань, наложенную в пользу варягов Игорем», – «эта дань была вначале просто выговоренною варягами платой». Покинув Новгород и закрепившись на юге, варяги сохраняют за собой и обязанность блюсти безопасность пригласивших их племен, и эту «вначале выговоренную плату». В известии об установлении дани Игорем ученый пред-

[13] См., например: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 13; Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. С. 13.

[14] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 197–198, 205, 208.

лагал различать две части: одну с установлением дани в пользу «дружины, состоявшей из варягов и словен», которая пришла с Игорем на юг, и вторую с определением побора (300 гривен) только в пользу варягов, «оставленных мира деля» в Новгороде.[15]

В «Разысканиях» А. А. Шахматов кардинально меняет оценку текста известия, представленного в НПЛмл. Главной задачей этого труда было проследить развитие летописания до НСв, и в итоге в качестве предшествующих этапов летописания были определены «Древнейший Киевский свод» (1039 г.), «Новгородский свод 1050 г.» и «Киевский свод 1070-х гг.». «Расслоение» текста в соответствии с пластами летописных сводов привело ученого к крайне сложной схеме трансформации сообщения о деятельности Олега (Игоря) от «Древнейшего Киевского свода» к ПВЛ. Принципиальным новшеством «Разысканий» было признание сообщения НПЛмл об установлении дани испорченным, «нелепым по своему содержанию» и «построенным совершенно неуклюже».[16] Нелепость» и «неуклюжесть» варианта НПЛмл ученый объяснял тем, что тот был несколько раз обработан на разных этапах летописания. Разлагая текст на мельчайшие составляющие (вплоть до отдельных слов и даже букв) и в то же время прибегая к разным летописным традициям, он пытался добраться до изначального сообщения.

Вкратце схема А. А. Шахматова сводится к следующему.[17] В «Древнейшем Киевском своде» сообщение было кратким, и говорилось только о захвате Киева и установлении даней Олегом (а не Игорем!). При этом под варягами имелись в виду и словене, и новгородцы (к идее о первоначальной тождественности славян и варягов Шахматов приходил после заново проведенного анализа «Сказания о призвании варягов»). Новгородский сводчик (1050 г.) выступил против такого отождествления и добавил указание о словенах, а также замечание о дани в 300 гривен, которая взималась в его время. «Составителю Начального свода пришлось комбинировать» киевский и новгородский своды, рассуждал далее А. А. Шахматов. В 1090-е гг. в Киеве уже ничего не знали о дани, зато знали, что новгородский свод был составлен до смерти Ярослава. Так появилось добавление о том, что дань взималась «до смерти Ярославли». Это добавление А. А. Шахматов отнес уже не к ПВЛ, как раньше, а к НСв. Установление дани было приписано в НСв Игорю и понято как налог в пользу варягов. Составитель ПВЛ, опираясь на устную традицию, вернулся к признанию Олега главным действующим лицом, вложил в его уста высказывание о «мати градом русским» и подправил построение фразы об установлении дани, в результате чего «получился такой смысл: словене, кривичи и меря платят дань Киеву, а Новгород – 300 гривен варягам».

Текст известия на разных этапах должен был выглядеть следующим образом:

---

[15] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. С. 206, 221.

[16] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 212–213.

[17] Там же. С. 220–229.

Древнейший Киевский свод 1039 г.:

И сѣде Ольгъ къняжа Кыевѣ, и бѣша у него мужи варязи, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави варягомъ и кривичемъ и мери.

Новгородский свод 1050 г.:

И бысть у нихъ кънязь именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ, и бѣша у него мужи варязи словьне, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани словѣномъ, варягомъ и кривичемъ и мери, а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дают.

Начальный свод 1095 г.:

И сѣде Игоръ къняжа Кыевѣ, и бѣша у него мужи варязи словѣне, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Игорь нача грады ставити и дани устави словѣномъ и варягомъ даяти и кривичемъ и мери дань даяти варягомъ а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже до съмьрти Ярославлѣ даяше варягомъ.

(В **ПВЛ** текст выглядел так, как представлен в сохранившихся списках – см. выше)

С текстологической точки зрения эта реконструкция не выглядит убедительно. До НСв предполагаются несколько этапов разрастания первоначального текста, каждый из которых восстанавливается один из другого. С другой стороны,.на этапах свода 1070-х гг. и НСв предполагается контаминация предшествующих вариантов. Ярким показателем сомнительности всего построения может служить то обстоятельство, что его автору пришлось существенно вмешиваться в реально сохранившийся летописный текст. Последние уточняющие слова «еже до смерти Ярославли даяше варягом», согласно этой схеме, должны были быть в НСв, но в реальности мы видим их в ПВЛ, а в НПЛмл, где отразился НСв, их нет. Здесь аргументация А. А. Шахматова вступает в область крайней предположительности и оборачивается против его главной, самой сильной и убедительной идеи, что НПЛмл донесла более древний текст, чем ПВЛ. С исторической точки зрения недоумение вызывают предположения, что в Киеве в первой половине XI в. кто-то мог отождествлять варягов и словен и что сводчики постоянно путались в том, кто, собственно, вокняжился в Киеве. Неясен также в каждом из реконструируемых текстов набор «племен», которые должны платить дань, – почему именно такие, а не другие?

Затруднения в рассуждениях А. А. Шахматова находим и в объяснении другой проблемы: каким образом первоначальное чтение «еже и ныне дают» из «Новгородского свода 1050 г.» все-таки сохранилось в существующих летописных списках и откуда взялось «еже не дают», которое мы видим в НПЛмл.

Первое чтение сохранилось, помимо Никоновской, еще в нескольких летописях. Из них А. А. Шахматову были известны так называемая Уваровская летопись и летопись, которую он называл Кирилло-Белозерским списком Ермолинской летописи. Обе летописи он привел в вари-

антах к Ермолинской, открытой им и впервые изданной в 1910 г. Позднее «Уваровская летопись» была опубликована полностью под названием «свод 1518 г.», так как изложение в ней доводилось до этого года. Был найден и опубликован в вариантах еще один список этой летописи. А. Н. Насонов позднее обнаружил и еще одну летопись, близкую «своду 1518 г.» и изданную с ним же в одном томе ПСРЛ под названием «свод 1497 г.». Во всех этих летописях, кроме Ермолинской, интересующее меня известие передается в сокращенном виде с фразой из НСС, приведенной выше: «И нача Олег грады ставити и дань устави по всеи земли, с Новагорода по 300 гривен, иже и до ныне дают». В Ермолинской известие читается так же, только выпущены слова «иже и доныне дают».[18]

Ермолинской летописи А. А. Шахматов посвятил специальную работу, в которой доказывал, что она отражает ростовское владычное летописание XV в.[19] Указанные своды, близкие Ермолинской, также отражают эту летописную традицию. Подобный список, по мнению ученого, был и в числе источников Никоновской летописи.[20] А. А. Шахматов показал, что ростовское владычное летописание представляло собой сокращение общерусского свода, близкого НСС. Таким образом, он находил основания для того, чтобы чтение «еже (иже) и (до) ныне дают» из всех известных ему списков возводить через «ростовскую компиляцию» к некоей летописи, связанной с НСС. Этой летописью он считал «общерусский свод 1423 г.», который послужил непосредственным источником «свода 1448 г.» (то есть НСС), и представлял «соединение текста ПВЛ по московско-суздальскому изводу с Новгородским сводом 1167 г.» с добавлениями по «Новгородскому своду XI в.». Одним из этих добавлений и были слова «еже и ныне дают»: «думаю, – писал ученый, – что это чтение восходит путем свода 1423 г. [и свода 1167 г.] к Новгородскому своду XI в.». Почему «свод 1167 г.» первоначальное чтение заимствовал из новгородского свода XI в., а не последовал НСв или ПВЛ (обе эти летописи должны были быть в распоряжении составителя «свода 1167 г.»)? Такое предпочтение А. А. Шахматов объяснял тем, что «это место сильно интересовало новгородцев».[21]

Появление в НСС варианта «еже не дают» теперь связывалось с правкой составителя именно этого свода. От высказанного ранее мнения (ср. выше), что чтение «еже и ныне дают» было в «новгородском своде 1421 г.» (=«Софийский временник»), а «свод 1423 г.» (=«Полихрон») давал вариант ПВЛ, А. А. Шахматов отказался, то есть поменял эти своды местами в качестве источников соответствующих чтений. Исправление «еже не дают» он отнес к «протографу Синодального спи-

---

[18] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 3; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 14, 168.

[19] *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (то же: ИОРЯС. Т. VIII (1903). Кн. 4; Т. IX (1904). Кн. 1). Ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001. С. 648–652 (работа впервые издана в 1938 г.).

[20] Ср.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 169–175, особенно с. 174.

[21] Там же. С. 167, 172, 229.

ска, составленному в XIV в.».[22] Оттуда это чтение попало в «Софийский временник», а оттуда уже в НПЛмл и «свод 1448 г.». Почему это странное чтение создал составитель протографа Синодального списка, который основывался на копии «свода 1167 г.», почему его предпочел составитель «Софийского временника» (хотя у него была альтернатива – более внятное чтение НСв), почему это чтение предпочел составитель «свода 1448 г.», хотя у него было более ясное чтение его общерусского источника «свода 1423 г.» «еже и ныне дают», – этого всего ученый не объяснял.

С исторической точки зрения А. А. Шахматов оценивал известие о дани следующим образом. Сопоставляя его, вслед за другими исследователями, с сообщением о выплатах Ярославом в 1014 г. из Новгорода в Киев 2000 гривен и 1000 гривен гридям, А. А. Шахматов оба сообщения относил к «Новгородскому своду 1050 г.». При этом он признавал известие об установлении даней Олегом (Игорем) исторической реконструкцией новгородца середины XI в., который исходил из современных ему порядков. Предполагая, что «разные свободы», которые дал новгородцам Ярослав, должны были выражаться прежде всего в «финансовом облегчении», А. А. Шахматов заключал, что такую льготу и отражало известие о дани, взимавшейся в размере 300 гривен «и ныне», то есть в середине XI в. Значит, «…дань, достигавшая при Владимире 3000 гривен, была при Ярославе уменьшена до 300 гривен». Возвращение составителя «свода 1167 г.» к чтению «еже и ныне дают» (хотя в ПВЛ и НСв стояло «еже до смерти Ярославли даяше варягом»), ученый объяснял тем, что «и в XII в. дань эта еще не была отменена», то есть и в 1167 г. взимались те же 300 гривен с Новгорода в пользу Киева.[23]

Историки XX в. восприняли идеи А. А. Шахматова относительно истории раннего русского летописания по-разному – большинство в той или иной степени признавало их, но кто-то отверг или просто проигнорировал. Одним из тех, кто во многом опирался на шахматовскую схему ранних этапов летописания и на идею о южном происхождении Руси и «перевесе» ее над Севером, был А. Н. Насонов. В работе «„Русская земля" и образование территории Древнерусского государства» (1951 г.) он присоединился к шахматовской трактовке упоминаний об Олеговой дани в 300 гривен и Ярославовой в 3000. Подчеркивая сам факт выплаты дани Новгородом в Киев, он находил в некоторых известиях XII в. реликты древних даннических отношений территорий, постепенно присоединяемых к Киевской Руси, к историческому ядру этого государства – Русской земле «в узком смысле слова». Относя составление летописного сообщения о дани в 300 гривен именно к 30–40-м гг. XI в. и к Новгороду, Насонов к этому времени относил «переломный» момент в расширении и укреплении Новгородской земли приблизительно в том виде, как она существовала потом на протяжении веков. Именно

[22] Там же. С. 227.
[23] Там же. С. 229–230.

тогда Ярослав «пошел навстречу интересам новгородской знати» и предоставил Новгороду ряд льгот.[24]

И. М. Троцкий, пытаясь проследить истоки новгородской «республиканской революции» 1136 г., соглашался с А. А. Шахматовым в том, что в Новгороде уже в середине XI в. занимались летописанием и что в сохранившихся отрывках этого летописания можно заметить элементы «новгородского сепаратизма» и «конституционализма». С этой точки зрения он оценивал и «пресловутое место об установлении новгородской дани», признавая текст НПЛмл первичным по отношению к ПВЛ, но в то же время отмечая «произвольность» «сложной конструкции» А. А. Шахматова для восстановления древнейшего первоначального текста в этом месте. И. М. Троцкий разделил фразу об установлении дани на две части в зависимости от того, кого надо понимать под варягами в первом упоминании и во втором. В первой части «и дани устави словеномъ и варягомъ даяти» под варягами он разумел тех, которые пришли с Игорем из Новгорода на юг. Получалось, что князь обложил данью покоренное им население в пользу того, кто пришел с ним – «мужей» словен и варягов. Критикуя рассуждения А. А. Шахматова в «Разысканиях», автор, правда, не заметил, что тот в статье «Сказание о призвании варягов» предлагал как раз такую интерпретацию. В следующем отрывке «и кривичемъ и мерямъ дань даяти варягомъ / а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля / еже не дають» И. М. Троцкий (возвращаясь к идее М. П. Погодина) видел «варягов заморских», то есть тех, которые и ранее беспокоили северные племена и от которых последние этой данью и откупались. Возникал вопрос, как объяснить то, что два текста с различным пониманием одного и того же слова оказались «спаяны» в одном известии. Здесь И. М. Троцкий прибегал к идее А. А. Шахматова о двух слоях текста: киевском и новгородском. Киевской по происхождению И. М. Троцкий считал первую фразу, а новгородской – вторую. По своему содержанию они и должны были интересовать, соответственно, киевлянина и новгородца. Новгородец, работавший в середине XI в., дополнил сообщение о дани Игоря своей информацией местного происхождения, «и в таком виде статья и попала в Начальный свод», заключал историк. Единственное исправление, которое было сделано уже в НСв, – это изменение первоначального «еже и ныне дают» на «еже не дают». Корректируя и в этом пункте построения А. А. Шахматова, И. М. Троцкий тем самым доверял сообщению ПВЛ, что дань давалась только до смерти Ярослава, но при этом отказывался объяснить, почему выдача дани заморским варягам прекратилась именно тогда.[25] Любопытным размышлениям И. М. Троцкого, таким образом, не хватило законченности. Впрочем, они могут вызвать и другие нарекания. Например, неясно, почему новгородский летописец XI в., которому автор приписывает решающее участие в исправлении первоначального тек-

---

[24] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 41–42, 47, 72.

[25] *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики. Часть первая // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 4. С. 277–281.

ста, оказался столь несообразителен и неискусен, не поняв, о каких варягах идет речь в его киевском источнике, и не потрудившись изложить сведения о выплатах новгородцев за море, казавшиеся ему столь важными, в виде отдельного связного известия.

После работы И. М. Троцкого принципиально новых интерпретаций интересующего меня летописного отрывка не предлагалось. Историки, если и касаются его, то мельком, и присоединяются к одному из уже высказанных когда-то объяснений. Для подтверждения ссылаются, как правило, на вариант текста, представленный ПВЛ, как более понятный. Дань, установленная Олегом (Игорем) с Новгорода, трактуется либо в духе Карамзина и Соловьева, т. е. как жалованье варягам-«находникам», либо, вслед Погодину, как выплата «заморским варягам», либо ее считают просто одной из даней, которыми облагалось все подчиненное население в пользу киевского князя.[26] В отличие от большинства историков И. Я. Фроянов опирается на текст, представленный в НПЛмл, и принимает почти полностью трактовку И. М. Троцкого, различая две части известия, имеющие в виду разных варягов – тех, кто пришел в Киев с Олегом (которого автор почему-то предпочитает Игорю, хотя и отвергает вариант ПВЛ), и тех, от чьих набегов новгородцам приходилось откупаться.[27]

Таким образом, в науке нет единства в интерпретации сообщения о древнейшей дани, установленной впервые в «объединенном» киевско-новгородском государстве. Вместе с тем, теперь – главным образом благодаря трудам А. А. Шахматова – стало очевидным, что путь решения вопросов, которые ставит перед нами это летописное известие, лежит прежде всего в области летописной текстологии. Первый вопрос, на который надо ответить, вставая на этот путь, – это определение происхождения и первоначального вида сохранившихся текстов в НПЛмл и ПВЛ.

Текстологический анализ

А. А. Шахматов выдвинул ряд убедительных аргументов в пользу того, что текст сообщения о дани, представленный в ПВЛ, является вторичным по сравнению с вариантом НПЛмл. Он привел свидетельства о переработке вообще всего рассказа о походе из Новгорода в Киев в ПВЛ: и приписывание главной роли Олегу (для корреляции с данными русско-византийского договора 911 г., который попал в руки составите-

---

[26] Первое мнение см., например: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., С. 133. Второе: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980. С. 96. Третье мнение было высказано еще в начале XIX в.: *Гагемейстер Ю. А.* Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 13–14. Из современных ученых его придерживается В. Я. Петрухин: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 92, 113, 118, 152.

[27] *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 112 и след. С небольшими поправками эта трактовка принимается в работе: *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 251, 331.

лю ПВЛ), и перебивка в формах глагола (то двойственное число, то множественное), и др.

Слова ПВЛ «и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери и [устави] варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля» основываются, согласно заключению А. А. Шахматова, именно на тексте НПЛмл: «и дани устави словеномъ и варягомъ даяти и кривичемъ и мерямъ дань даяти варягомъ, а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля». «Поправки», которые внес составитель ПВЛ, были «вызваны второй половиной фразы (в НПЛмл – *П.С.*): „дань даяти варягом". Находя здесь повторение, составитель ПВЛ выпустил выше: „и варягом даяти"». А. А. Шахматов считал, что редакция Лаврентьевской летописи отражает промежуточный этап правки, где составитель понял дело так, что «варяги оказываются в числе прочих племен, обложенных данью, уплачивавшеюся, очевидно, уже не варягам, а Киеву». А составитель следующей редакции ПВЛ прибавил слово «устави» перед «варягом дань даяти».[28]

Можно еще размышлять по поводу того, откуда взялось это слово, отсутствующее лишь в одном списке ПВЛ, но ясно, что логики в построении фразы ни в той, ни в другой редакции на самом деле нет. В редакции Лаврентьевской летописи повторялось дважды слово «дань», и в результате, хотя автор текста вроде бы имел в виду, что варяги состоят в числе платящих дань, можно было понять и так, что стоящее в конце «и варягом дань даяти» относится к последующему указанию о дани с Новгорода. Об этом говорило и пояснение о прекращении выплаты после смерти Ярослава, вторично упоминая варягов: «даяше варягом». В редакции прочих списков ПВЛ, где вставлено слово «устави», получилось, что дань была уставлена словенам, кривичам и мери, а отдельно указывалось, что варягам должна была платиться дань с Новгорода. При этом, однако, оба раза использовалось слово «устави», но с разным смыслом (сначала: «устави» кому-то, потом: «устави» в пользу кого-то), а в добавлении о сроке, до которого шли выплаты, повторялось, что дань шла именно в пользу варягов. Естественно предположить, что эти двусмысленности и повторы произошли из-за того, что у составителей разных редакций ПВЛ были трудности в понимании текста их источника и они пытались как-то сгладить неясности и шероховатости, ограничиваясь поверхностной правкой (типа перестановки слов). Проще всего признать, что источником был текст, представленный в НПЛмл, – он как раз не совсем ясен и побуждает к правке. В то же время в ПВЛ по сути никакой особой информации не приводится.

Добавочные сведения ПВЛ дает только в приписке о сроке, до которого шла выплата с Новгорода – до смерти Ярослава. Однако А. А. Шахматов в «Разысканиях» высказал мнение, что эта приписка не относится к творчеству составителя ПВЛ, а присутствовала уже в НСв и была заменена словами «еже не дают» на поздних этапах новгородского летописания. Такой неожиданный ход мысли ученого выбивается из всего

---

[28] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 212–213.

строя его размышлений. По-видимому, он очень хотел доказать, что этап летописания, *непосредственно* предшествовавший составлению в Киеве НСв, состоялся именно до смерти Ярослава и именно в Новгороде. Ради того, чтобы продемонстрировать ярким примером правку новгородского текста, составленного *до* смерти Ярослава, киевлянином, писавшим *после* смерти Ярослава, А. А. Шахматов отступил от логики собственной аргументации. На мой взгляд, необходимости в таком построении нет. Нет нужды предполагать сложные судьбы бытования текста от свода к своду, если можно объяснить различие между НПЛмл и ПВЛ в этом фрагменте тем же самым способом, каким оно объяснялось в предыдущей фразе. Следуя этой логике, надо допустить, что в источнике ПВЛ, то есть в НСв, должно было быть либо то же, что и сегодня мы видим в НПЛмл, то есть фраза «а от Новгорода 300 гривен, еже не дают», либо та же фраза с окончанием «еже и (до) ныне дают». Либо неловкое окончание этой фразы и сбивчивость предшествующего текста, из которого было непонятно, кто же и кому должен был давать дань с Новгорода, либо противоречие утверждения «еже и (до) ныне дают» с фактическим состоянием дел побудили составителя ПВЛ дать разъяснение согласно с тем, что он знал о реальных обстоятельствах.

А. А. Шахматов первоначальными (новгородскими) считал слова «еже и (до) ныне дают». Чтение «еже не дают» он относил то к «своду 1448 г.», то к протографу Синодального списка НПЛ. В «Разысканиях» он писал, что чтение «еже и (до) ныне дают» присутствовало не только в первоисточнике – в новгородском своде XI в., – но и в новгородском «своде 1167 г.», откуда попало в «общерусский свод 1423 г.», и оттуда уже в ростовскую владычную летопись. Как было сказано выше, на ряд вопросов, которые такое построение вызывает, ученый ответа не давал.

Само по себе соотношение чтений кажется, действительно, вполне вероятным. Вариант «еже не дают» выглядит оборванным и неловким и заставляет предполагать, что он заменил какой-то другой. Слова «еже и (до) ныне дают» подходят по контексту и вписываются в ряд похожих отсылок летописцев к современному им состоянию дел с помощью слов «ныне», «доселе», «до сего дни» и т. п.[29] Трудно также придумать причину, по которой такое чтение могли изобрести книжники, переписывавшие летописи в то время, когда и налоговая система, и отношения Новгорода и Киева переменились уже не раз и отличались от времен Олега и Игоря кардинальным образом. В XV в., во всяком случае, такое чтение возникнуть не могло. Даже если допустить, что какого-то пытливого писателя или переписчика того времени смутили слова «еже не дают» и он захотел их проверить, то у него была возможность прибегнуть к альтернативному варианту ПВЛ, который должен был выглядеть в XV в. вполне осмысленным.

---

[29] Разумеется, вариант «еже не дают» нельзя рассматривать как результат механического (случайного) усечения варианта «еже и нынь дают» (с сокращением букв «и ны»), потому что отрицательная частица «не» по нормам древнерусского языка писалась с буквой «есть», а слово «нынь» – с буквой «ять».

Таким образом, в случае, если допустить вслед за А. А. Шахматовым, что чтение «еже и (до) ныне дают» – первоначально, нужно снять недоумения, которые вызывает его схема судьбы этих слов от свода к своду. Современные исследования рисуют картину новгородского летописания во многом отличную от той, какую представлял А. А. Шахматов. Надо подчеркнуть, что чтение «еже не дают» присутствует только в НПЛмл и в летописях, восходящих к НСС. В большинстве других (из тех, которые вообще дают пояснения о времени выплаты дани) видим вариант ПВЛ и лишь в нескольких, восходящих к ростовскому летописанию, вариант «еже и (до) ныне дают».[30] Такого рода совпадения в тексте НПЛмл и НСС за ранний период объясняются тем, что общее чтение содержалось в новгородской владычной летописи, которая была их основным источником. Это показало исследование А. А. Гиппиуса.[31] НПЛмл более последовательно следовала этому источнику, а НСС сочетал его с ПВЛ. Если чтение «еже не дают» было во владычной летописи, то оно должно восходить к новгородскому «своду 1167 г.» и, возможно, далее к НСв.

Что касается чтения «иже и (до) ныне дают», то в этом пункте соображения А. А. Шахматова нуждаются лишь в небольшой поправке. Это чтение, как уже сказано, содержится в нескольких летописях, которые схожи по составу, в особенности тем, что имеют общую часть с начала повествования до 1417 г. А. А. Шахматов считал, что эта часть представляет собой выборку из общерусского свода, который он называл «Полихроном» и приписывал инициативе митрополита Фотия, а также что она была сделана в Ростове при архиепископском дворе в 20-е гг. XV в. Далее, в течение XV в., владычное летописание «надстраивалось» над этой выборкой, претерпев несколько редакций. Из всех списков только Ермолинский, по его мнению, представлял почти на всем протяжении текста ростовскую летопись (доведенную до 1472 г.). В других – части, начиная с 1417 г., заменялись московским летописанием, взятым из различных сводов конца 70-х–80-х гг. XV в., которое, впрочем, находилось в некотором взаимодействии с ростовским позднейшей редакции.[32]

Взгляды А. А. Шахматова на Ермолинскую летопись и реконструкция ростовского летописания были подкреплены исследованиями А. Н. Насонова. Тот подтвердил наличие «цепи ростовских известий» в Ермолинской в части с 1425 по 1462 г., но показал ее более сложный характер как сочетания ростовской летописи с выявленным им общерусским «сводом Феодосия–Филиппа» 1464–1472 гг. К такому выводу его привело сопоставление начальной части Ермолинской и Московского свода 1479 г., выявившее их близость. Из рассуждений А. Н. Насоно-

---

[30] В Новгородской V (Хронографической) находим еще контаминацию «ростовского» и «новгородского» чтений: «еже ныне не дают», а в Эрмитажном списке Московского свода 1479 г. и Типографской летописи модификацию чтения ПВЛ: «еже не даваша варягом и до смерти Ярославли» (ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 13; Пг., 1921. Т. 24. С. 7–8; М., 1949. Т. 25. С. 341).

[31] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 1997. Вып. 6 (16). С. 68–72.

[32] *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. С. 73–76; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 650–651.

ва неясным, однако, остается, где и при каких обстоятельствах возникла та выборка, которая была доведена до 1417 г. и отразилась в Ермолинской, «Уваровской» и подобных летописях. Не отрицая факта составления общерусского свода в 20-х гг. («Фотиев Полихрон»), А. Н. Насонов в одном месте приписывал сокращения начальных частей летописи работе митрополичьего сводчика 1464–1472 гг., а в другом месте вроде бы не отрицал и наличия выборки, доведенной до 1417 г., уже в ростовской летописи редакции Трифона (годы епископства: 1462–1467), которая предшествовала «своду Феодосия–Филиппа».[33]

Вопрос о происхождении этой выборки практически не затрагивает Я. С. Лурье. Относительно Ермолинской он высказал мнение, что ее протографом был некий Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в. Он соглашается с выводом А. Н. Насонова (подкрепленным в статьях К. Н. Сербиной[34]), что «свод 1497 г.» и «свод 1518 г.» восходят к московскому общерусскому своду 1484 г. Я. С. Лурье подчеркивает, что у всех них общий текст доходит до 1477 г., и говорит о «редакции 1477 г. великокняжеского свода», которую предлагает называть «летописец от 72-х язык». Вместо «свода Феодосия–Филиппа» он предпочитает говорить об «особой обработке свода 1448 г.», которая была составлена в великокняжеской канцелярии в 70-е гг. XV в.[35]

В данном случае не так важно, как определить характер того или иного свода и к какому именно времени отнести его составление. Важны следующие факты. Во-первых, есть «куст» летописей, восходящих к московскому летописанию (митрополичьему, по Насонову и Сербиной; великокняжескому, по Лурье) конца 70-х – начала 80-х гг. XV в. («свод 1518 г.», известный по двум спискам, «свод 1497 г.» и «Кирилло-Белозерский список», опубликованный Шахматовым в вариантах к Ермолинской). Во всех них присутствует чтение «еже и до ныне дают».[36] Во-вторых, их близкое сходство с Ермолинской летописью, а также отражение ими в частях за конец XV в. ростовского свода, указывают на их связь с ростовским летописанием. Отсутствие этого чтения в Ермолинской можно объяснять по-разному. Вероятнее всего, это индивидуальное сокращение (вполне объяснимое по смыслу летописного текста) автора самой летописи или ее протографа. Во всяком случае, А. А. Шахматов не сомневался, что «в Ростовской компиляции читалось именно так, как в Уваровской [летописи]», потому что в Новгородской

---

[33] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 263–273, 329–335, 374.

[34] *Сербина К. Н.* Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 587–608; 2) Из истории русского летописания конца XV в. (летописный свод 1497 г.) // Проблемы источниковедения. М., 1969. Вып. XI. С. 391–428.

[35] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 139–140, 174–175, 229.

[36] К этому «кусту» принадлежит еще так называемый Лихачевский летописец, с которого копировался «Кирилло-Белозерский список», но в нем недостает одного или двух первых листов, где как раз должно было находиться сообщение о захвате Киева и установлении даней. Описание рукописи Лихачевского летописца (до сих пор не опубликованного) см.: *Покровская В. Ф.* Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева // ПКНО: 1974. М., 1975. С. 28.

БИБЛИОТЕКА

V (Хронографической) летописи чтение Новгородской IV «еже не дают» было исправлено на «еже ныне не дают» вследствие сверки по ростовской владычной летописи.[37] В-третьих, А. А. Шахматов выяснил, что Никоновская летопись имела среди источников ростовское летописание. Новые исследования подтвердили этот вывод: Никоновская содержит известия, тождественные Ермолинской[38] и близкие «своду 1518 г.».[39]

Таким образом, поиск происхождения нашего чтения приводит к выборке общерусского характера, доведенной до 1417 г. Эта выборка, как показал А. А. Шахматов, а затем подтвердил А. Н. Насонов, ближе всего стоит к НСС. Если, вслед за А. А. Шахматовым, связывать ее создание с Ростовом, можно указать на то, что местное летописание велось в Ростове и до начала XV в. (свидетельством служит Московская Академическая летопись). Нет данных, что в Ростове хранились какие-то памятники раннего летописания, отразившие, например, НСв. Но, с другой стороны, известно, что составитель Тверского сборника, использовавший тверские своды, НПЛ и другие летописи, работал именно в Ростове в 1530-е гг. Возможно, конечно, что эта выборка была сделана в Москве и попала в Ростов не в 20-е гг. XV в., а какое-то время спустя. Стоит ли она в какой-то связи с тем фактом, что Софийская I летопись старшего извода заканчивается 1418 г., можно ли вести речь о своде Фотия – будущие исследования, остается надеяться, прояснят эти вопросы.[40] Сегодня можно утверждать лишь следующее. При составлении НСС в качестве дополнительных привлекались источники, отразившие памятники раннего – до конца XI в. – летописания. По-видимому, главным, а может быть, единственным памятником такого рода был, как предполагал А. А. Шахматов, некий не дошедший до нас новгородский свод XI в. В существовании этого свода не сомневается А. А. Гиппиус.[41] В. А. Кучкин показал достоверность одного уникального известия из НСС за XI в. Ставя его в ряд с другими известиями за XI в., выявленными еще А. А. Шахматовым в Софийской I и Новгородской IV летописях и не имеющими аналогий в других летописях, В. А. Кучкин так определяет свод, из которого эти известия происходят: «свод этот был по своему происхождению новгородским, владычным <…> Датировать ли этот свод 1050 г. (с продолжениями по 1079 г.), как считал А. А. Шахматов,

---

[37] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 172. Ср. сн. 30.

[38] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 134-150.

[39] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 155–156. Никоновская опиралась также на Новгородскую V, но данное чтение она не могла заимствовать из этой последней. В Новгородской V читается «еже ныне не дают», а в Никоновской – «еже и ныне дают». В 20-х гг. XVI в., когда писалась Никоновская летопись, исправление первого чтения во второе невозможно себе представить. В данном случае Никоновская, без сомнения, следовала ростовско-московской летописной традиции, сохранившей древнее чтение.

[40] Ср. к проблеме «свода Фотия»: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2000. С. 157. Ср. также: *Шибаев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000.

[41] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 45.

или 1054 г., как предлагает Б. А. Рыбаков, или это был свод несколько более поздний, 60-х годов XI в., с приписками до середины 90-х годов того же столетия, все равно он был старше Начального свода середины 90-х гг. XI в. и тем более Повести временных лет…».[42]

Ничто не препятствует считать, что в своде, близком НСС, также мог отразиться либо этот памятник, либо другие столь же ранние. Из них и попали в ростовское или, точнее, ростово-московское летописание уникальные чтения. «Еже и (до) ныне дают» – одно из таких чтений. Если признавать его связь с новгородской историей, как полагал А. А. Шахматов, надо возводить его к «Новгородскому своду XI в.» Однако нельзя исключать, что это чтение было и в НСв, который был в каком-то виде, отличном от того, который имеет теперь в НПЛмл, доступен в начале XV в. составителям общерусского свода (или сводов). Оно было исправлено на «еже не дают» в новгородской владычной летописи, послужившей основным источником НПЛ и НСС.

Пересмотр взглядов А. А. Шахматова с учетом современной картины развития летописания приводит к заключению, что текст сообщения об установлении дани, представленный в НПЛмл, восходит к НСв и предшествует варианту ПВЛ, но в то же время не является первоначальным, по крайней мере, в заключительной его части, где поясняется, что 300 гривен от Новгорода «не дают». Сообщение с заключительным пояснением в более правильном виде: «еже и (до) ныне дают» было либо в НСв, либо в летописи более ранней, чем он.

К сожалению, в летописях, восходящих к НСС, составитель которого пользовался «Новгородским сводом XI в.», известие о захвате Киева и установлении даней не обнаруживает следов древнего свода. Здесь в НСС был явно взят за основу вариант ПВЛ, и в том месте, где говорится о дани, очевидно позднейшее осмысление текста. Вот, например, текст по Новгородской IV летописи: «и сѣде Олегъ княжа в Киевѣ и рече: се буди мати всѣмъ градом руськимъ. И обладаше всю землю Рускую. И бьша у него мужи варязи словени, и оттолѣ и прочи прозвашася Русью. Сии же Олегъ нача городы ставити и дани устави по всеи Рустѣи земли словеномъ и кривицамъ и меряномъ дань даяти варягомъ, отъ Новагорода триста гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не дають. И многы ины страны притяжа к Рустѣи земли и дани възложи на нихъ».[43] Указание об установлении даней «по всеи Рустеи земли», безусловно, анахронично. Возможно, такое осмысление текста привело к отказу от последнего уточнения ПВЛ о том, что дань давалась варягам до смерти Ярослава: если дань была установлена «по всей Русской земле», то она должна была идти уже не варягам, а русскому князю в стольном городе, а то, что поступление ее из Новгорода в какой-то момент прекратилось, было расценено составителем НСС как показатель особого статуса этого города.

---

[42] *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкь…» // Russia mediaevalis. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 102. Ср. также новейшую статью: *Милютенко Н. И.* Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 586–606.

[43] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 13.

Таким образом, единственный сравнительно надежный способ ответить на вопрос, имело ли сообщение в предшествующей летописи тот же вид, что и в НСв, – это критика самого текста НСв. Допустив, что НПЛмл в этом месте в целом следует НСв, попытаемся теперь понять структуру и смысл сообщения по НПЛмл как Ding an sich. Естественно, это приблизит нас и к правильной исторической трактовке текста.

Этот текст, действительно, не во всем выглядит ясным и логичным. А. А. Шахматов имел основания назвать его «нелепым» и «неуклюжим». И. М. Троцкий, попытавшись найти в нем все-таки логику, пришел в конечном счете к выводу, что он соединяет две фразы с разным пониманием «варягов», восходящие к разным источникам. Опираясь на наблюдения обоих ученых, разберем сообщение по тем фрагментам, которые были выделены в цитате в начале статьи.

Фрагмент 1 – «и сьде Игорь княжа в Кыевѣ» – затруднений не вызывает. Указание на Игоря как князя и определение его местопребывания в Киеве вполне согласовано с предшествующим повествованием.

Фрагмент 2 имеет два варианта, в которых различается лишь порядок слов. В списке *Ком* видим «варязи мужи словенѣ», в *Тол* и *Тр*: «мужи варязѣ (варяжи) словени». Второй вариант поддерживает НСС (ср. выше цитату из Новгородской IV). Важнейшей чертой этого фрагмента является то, что слово «мужи» здесь имеет значение собирательное, а указание варягов и словен раскрывает состав этих «мужей» с точки зрения их этнической принадлежности: варяги – это обозначение скандинавов, а словене – восточнославянское «племя». Догадка А. А. Шахматова, что кто-то когда-то отождествлял варягов и словен, не имеет опоры ни в этом тексте, ни в других источниках.

А. А. Шахматова смущало отсутствие союза между словами «варязи» и «словене». В реконструкции, предложенной в статье «Сказание о призвании варягов», он просто вставлял этот союз. В «Разысканиях» это обстоятельство заставляло его признавать указание на словен вставкой новгородского редактора в первоначальный текст «Древнейшего Киевского свода», где речь шла только о варягах. Между тем, как показывает современная лингвистика, для сомнений тут повода нет. Синтаксис древнерусского языка в таком случае вполне допускал бессоюзие. Нормой было «бессоюзное соединение однородных членов» – и «прежде всего существительных», – если они образуют смысловое единство. «…Древнейшее значение союза *и* было менее нейтральным, чем теперь; оно было близко к „а также". Поэтому употребление союза *и* было излишне там, где совместность воспринималась как нечто нормальное, немаркированное».[44] «Совместность» варяг и словен в тексте древней летописи как «нечто нормальное, немаркированное», конечно, обращает на себя внимание, но сейчас я на этом не буду задерживаться. Мне важно подчеркнуть, что текст не является испорченным. Смысл его сводился к констатации наличия с Игорем в Киеве *только* варягов и словен.

---

[44] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 190.

Фрагмент 3 – «и оттоль [прочии] прозвашася русью» – в данном случае меня мало интересует с той точки зрения, которая больше всего волновала исследователей, – кто такие «русь» и откуда они взялись. Логику текста он не нарушает, а к последующему сообщению об установлении дани прямого отношения не имеет. Стоит отметить только справедливую мысль А. А. Шахматова, что слово «прочии» здесь явно лишнее. В предшествующем тексте никто не может подразумеваться под «прочими». Ясно, что не может быть речи о «прочих» «мужах». С другой стороны, четкое указание, что с Игорем были варяги и словене, не оставляет места для «прочих» народов-«племен». Именно и только варяги и словене и прозвались русью, по смыслу первоначального текста. Можно было бы относить вставку слова «прочии» к НСв, так как оно присутствует в двух из трех списков НПЛмл и в Новгородской IV и Софийской I летописях. Составитель НСв мог иметь в виду и кривичей, и мерю, да и другие этнические общности, оказавшиеся в составе современной ему Руси, то есть Русского государства. Однако из-за того, что в Комиссионном списке НПЛмл слово «прочии» приписано на полях, Шахматов думал, что приписка относится к творчеству автора ПВЛ (который, естественно, мог размышлять точно так же). Высказав это мнение в ранних статьях, Шахматов не отказался от него и в «Разысканиях»,[45] сославшись на чтение Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК), которое как раз соответствует Комиссионному списку: «и бьшя у него мужи варязи словене, и оттоль прозвашася Русью».[46] НК представляет важную, возможно, наиболее раннюю редакцию НСС. Это ее чтение – сильный аргумент в пользу первоначальности текста без слова «прочии». Если этого слова не было в новгородской владычной летописи (текст которой, как уже говорилось, можно восстанавливать по совпадающим чтениям НПЛ и НСС), значит, его не было и в НСв. В НСС слово попало из-за того, что он ориентировался в этом месте на ПВЛ, а в списки НПЛмл – из-за того, что НПЛмл правилась по НСС.

Фрагмент 4 – «сеи же Игорь нача грады ставити» – сообщает о первом мероприятии Игоря по укреплению своей власти. «Грады» должны были стать опорными пунктами князя, где находились его представители, пользовавшиеся защитой «княжого права» и осуществлявшие княжий суд и, главное, сбор причитающихся ему налогов. Естественно, что тут же сообщалось об установлении этих налогов.

Следующий отрезок текста представляет наибольшие трудности, и два фрагмента, выделенные выше в известии НПЛмл (5 и 6), есть смысл рассматривать во взаимной связи: «и дани устави словеномъ и варягомъ даяти (*Тол.*: устави дани даати словеном и варягом, *Тр.*: устави и дани словеном и варягом даяти) и кривичемъ и мерямъ дань даяти варягомъ». Именно здесь содержится главная «неуклюжесть» статьи НСв. Действительно, из текста совершенно неясно, кто и кому должен давать дань. Первый (по общему счету 5-й) фрагмент можно понять двойственно:

---

[45] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 208–209.

[46] ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 26.

и так, что Игорь установил налоги *в свою пользу* со словен и варягов, и так, что он установил налоги *в их пользу*, как подразумевается, с некоего подвластного населения. А. А. Шахматов в «Разысканиях» склонился к тому, что изначально в тексте был заложен первый смысл, но составитель НСв понял дело так, что дань должна была идти в пользу варягов, и совершенно исказил содержание. И. М. Троцкий выбрал второй смысл и отказался полностью от следующего фрагмента (6-го по общему счету) и от всего окончания сообщения как вторичного добавления. Оставляя пока в стороне вопрос о том, были ли словене и варяги получателями дани или ее плательщиками, посмотрим, как фрагмент 5 сочетается с последующим текстом.

Во фрагменте 6 мы получаем уже третью возможность для понимания адресата установленной дани: не князь и не варяги со словенами, а одни варяги. Зато здесь однозначно определено, кто обложен был этой данью – кривичи и меря. Однако именно это определение делает невозможным понимать под варягами в этом фрагменте тех, которые упомянуты в предыдущем. Это совершенно справедливо отметил И. М. Троцкий. В самом деле, если вначале князь обязал варягов (вместе со словенами) платить ему дань, то почему здесь они сами становятся получателями? А если вначале получателями дани были выставлены варяги и словене, то почему с кривичей и мери получают дань одни варяги, а словене – нет?

Понять фрагменты 5 и 6 вместе в том виде, в каком они находятся в НПЛмл, не представляется никакой возможности. Текст явно испорчен. Вполне понятно, почему А. А. Шахматов в конце концов признал его «нелепым». Однако он явно чересчур увлекся раздроблением текста на составные элементы и предложил очень сложный многоступенчатый путь восстановления «Древнейшего Киевского свода». На мой взгляд, при этом он упустил *следы правки текста, видимые в варианте НПЛмл.* Главная неясность на этом отрезке текста возникает из-за того, что в каждом из фрагментов (5-м и 6-м) говорится о разных вещах одними и теми же словами. Обратим внимание на двукратный повтор – по разу в каждом из фрагментов – слов «дань», «даяти» и «варяги». Неизбежно эти ключевые слова в разных смысловых контекстах приобретают разное значение, и возникает путаница. Не следует ли предположить, что у этих фрагментов были разные авторы с разными представлениями, а тот факт, что эти авторы пользуются одними и теми же словами, свидетельствует просто о том, что один из них писал позже другого и структурно-стилистически «подстраивал» свой текст под уже существующий?

Именно так размышлял И. М. Троцкий, и логика его размышлений представляется более убедительной, чем попытки А. А. Шахматова в статье «Сказание о призвании варягов» осмыслить весь текст целиком как оригинальный и первоначальный, а в «Разысканиях», наоборот, «атомизировать» его. Надо согласиться с И. М. Троцким и в признании именно второго фрагмента отрывка (6-го по общему счету) вторичным, так как только в этом фрагменте появляются некие «дополнительные» варяги, происхождение и местонахождение которых совершенно непонятно ни по контексту, ни по общему смыслу. Однако он неправомерно

отказал в первоначальности не только этому фрагменту, но и следующему за ним указанию о новгородской дани. Общие соображения о новгородском «сепаратизме» и «конституционализме», от которых отталкивается И. М. Троцкий, не могут служить текстологическим критерием.

Таким образом, на мой взгляд, все, что нужно сделать для того, чтобы текст стал связным и понятным (при этом сведя к минимуму вмешательство в реально сохранившийся текст, как того требуют принципы текстологии), – это просто вычеркнуть фрагмент 6 из сообщения, представленного НПЛмл. Текст приобретет и стилистическую гладкость, если предпочесть чтение по списку *Тол* с немного другим порядком слов: «сеи же Игорь нача грады ставити и устави дани даати словеном и варягом, а от Новаграда гривенъ триста на лѣто мира дѣля, еже [и (до) ны]не дають». К предпочтению списка *Тол* подталкивает не только необходимость сделать текст «глаже», но и аналогия в построении фразы, которая находится буквально на следующей странице летописи в статье о походе Олега на Царьград: «и заповѣда Олегъ дань даяти на 100 [200] корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а в корабль по сороку мужь» (здесь только вместо глагола «уставить» употреблен «заповедать»).[47] Синтаксическая аналогия в этом сообщении касается не только слов «заповеда (устави) дань даяти», но и последующего уточнения «а от Новаграда…» versus «а в корабле…». Более того, аналогию можно продолжить. Если сообщение об Игоре кончается уточнением «еже и (до) ныне дають», то и рассказ о дани, наложенной на греков Олегом, завершается похожим образом: «самъ же взя злато и паволокы и возложи дань, юже дають и доселѣ княземь рускымъ». Это сходство в синтаксической организации текста должно объясняться принадлежностью текстов одному летописному «пласту» и подсказывает, что и хронологические указания «до ныне» и «доселе» относятся к одному времени. Аналогия указывает и на то, что дань с Новгорода должна была идти именно в пользу «русских», то есть киевских, князей (а не неких «заморских» или каких бы то ни было других варягов) – ведь как уточнение о дани Олега с греков, так и другие подобные уточнения о возложении дани на кого-либо всегда имеют в виду именно киевских князей.[48]

Но прежде чем переходить к исторической интерпретации летописного известия, остается решить последний текстологический вопрос – происхождение вставки, помеченной как фрагмент 6. Основная смысловая нагрузка вставного фрагмента – это утверждение, что в платеже дани принимали участие также кривичи и меря, а также переосмысление адресата дани – не киевскому князю или вместе словенам и варягам, а одним варягам. Кто и зачем сделал эту вставку?

Очевидно, если автор вставки хотел напомнить о кривичах и мери, которые были упомянуты выше в летописи в «Сказании о призвании варягов», то под варягами он должен был понимать тех, которые, согласно

---

[47] НПЛ. С. 108.

[48] Ср., например, о покорении радимичей под 6492 (984) г.: «и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дни» (НПЛ. С. 131).

«Сказанию», были призваны «княжить и владеть» в Новгород. Варяги, в его представлении, – завоеватели-«находники», которые пришли сначала в Новгород в виде «дружины многой и предивной» во главе со своим князем, а потом захватили Киев и обложили данью подчиненное население. По-видимому, летописец – автор вставки понял фрагмент 5 в том смысле, что варяги стали получать дань со словен, и «пояснил» рассказ, прибавив фразу, что дань варягам платили также кривичи и меря, которые вместе со словенами изначально их позвали в Новгород. Отсутствие упоминания при этом чуди свидетельствует о том, что летописец был знаком со «Сказанием о призвании варягов» в том его виде, где чудь не упоминалась среди «племен», пригласивших варягов.

На то, что чудь попала в этот список «племен» в результате вторичного вмешательства в текст «Сказания», указал А. А. Шахматов. Но из его работ оставалось неясным, на каком этапе летописания была осуществлена эта вставка. В статье «Сказание о призвании варягов» утверждается, что добавление про чудь произвел составитель ПВЛ, который вообще существенно переработал «Сказание»,[49] а в НПЛмл оно попало в результате работы сводчиков начала – середины XV в. В «Разысканиях» первое упоминание этого народа отнесено уже к «Новгородскому своду XI в.», где было вставлено само «Сказание».[50] Наиболее убедительными на сегодняшний день представляются доводы М. Х. Алешковского, который поддержал первоначальное мнение А. А. Шахматова, отнеся вставку о чуди к работе составителя ПВЛ, а появление ее в НПЛмл объяснил правкой новгородского летописца по ПВЛ в начале XIII в.[51] Из этого следует, что в тексте НСв упоминания про чудь не было, а значит, с текстологической точки зрения, автором фрагмента 6 известия про установление дани мог быть как составитель НСв, так и предшествующий сводчик.

Вместе с тем, автор фрагмента о кривичах и мери, хотя и отсылал этой своей вставкой к «Сказанию о призвании варягов», само «Сказание» понимал явно превратно. Дело в том, что рассказ о призвании варягов в изложении НПЛмл совсем не имел в виду, что пришедшие из-за моря варяги стали получать дань с «племен», их позвавших. Словене, кривичи и меря платили дань «от мужа по белеи веверице» раньше, до призвания Рюрика, еще тем варягам, которые им «насилье деяху». Варяги, пришедшие с Рюриком, Синеусом и Трувором, никакой дани не получали, пока не захватили Киев. Летописец, который вставил фразу о кривичах и мери, просмотрел или не понял этого обстоятельства. Очевидно, по его представлениям, варяги-«находники» *должны* были получать некую дань с местного населения. Из этого следует, что летописец работал уже в то время, когда такие представления были общераспространенными и естественными из-за того, что какие-то варяги *действительно* получали на Руси – или даже точнее: в Новгороде –

---

[49] Ср. тексты: НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19; Т. 2. Стб. 14.

[50] *Шахматов А. А.* 1) Сказание о призвании варягов. С. 226–227; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 214–215.

[51] *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 124.

какие-то выплаты. Такая ситуация хорошо известна и засвидетельствована не только древнерусскими, но и иностранными источниками – это правление Ярослава «Мудрого», который содержал, в том числе (а может быть, и в первую очередь) в Новгороде, корпус наемников-скандинавов.[52]

Таким образом, автор вставного фрагмента под номером 6 должен был писать, будучи уже отделен от времени создания своего исходного текста значительным периодом (иначе трудно объяснить, почему он не понял его), тогда, когда содержание варягов-скандинавов за счет населения, с одной стороны, увязывалось с их исторической ролью «находников», а с другой – воспринималось настолько естественным, что не позволяло представить каких-то других вариантов отношений между ними. Работа такого автора более вероятной видится в эпоху уже после Ярославова княжения, вполне возможно, и в 90-х гг. XI в., когда писался НСв. Значит, вставка фрагмента 6 могла быть осуществлена как в НСв, так и на каком-то этапе летописания, непосредственно предшествующем НСв.

Труден также вопрос о том, к какому пласту летописи надо относить другое исправление – «еже и (до) ныне дают» на «еже не дают». Как говорилось выше, чтение «еже не дают» было, по-видимому, уже во владычном новгородском «своде 1167 г.». Но было ли оно в НСв, не ясно. Можно предполагать, что чтение «еже не дают» возникло тогда, когда составитель нового свода проявил принципиальное несогласие с утверждением «еже и ныне дают». Но проблема в том, о какой дани шла речь – ведь смысл текста менялся: в первоначальном сообщении речь шла о дани с Новгорода в Киев, а после вставки – о дани в пользу варягов. Следовательно, автор, пытавшийся с помощью исправления отметить прекращение дани, мог подразумевать дань в начальном смысле – и тогда он должен был писать до того этапа летописания, когда была внесена вставка, – а мог иметь в виду дань варягам, и тогда он писал, либо сам меняя текст, либо имея перед собой уже измененный текст. Теоретически возможны оба варианта, но проще всего было бы предположить, что тот, кто решился вообще исправлять текст, добавляя про дань с кривичей и мери, и внес уточнение о том, что дань больше не выплачивается, и скорее всего это был автор НСв.

Хотя текстология не дает твердых опор для «привязки» вставки фрагмента 6 и исправления хронологического указания о выплате дани к НСв или этапам летописания до НСв, в любом случае вполне можно «оправдать» НПЛмл ввиду недоверия, высказанного ей А. А. Шахматовым в «Разысканиях». В целом (может быть – хотя это и маловероятно – только за исключением исправления из «(до)ныне дают» в «не дают»), НПЛмл, а точнее, список *Ком*, где слово «прочии» отсутствует в основном тексте, точно передает текст НСв. На том тексте, который представляет НПЛмл, основывался составитель ПВЛ, который явно был неудов-

---

[52] См.: *Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1974. Т. 19. С. 55–68; *Birnbaum H.* Yaroslav's Varangian Connection // Scandoslavica. T. 24. Copenhagen, 1978. P. 5–25.

летворен текстом своего источника и кардинально переработал его. Уточнение автора ПВЛ, что выплаты варягам производились до смерти Ярослава, не имеет, конечно, никакого отношения к первоначальному известию, имевшему в виду дань с Новгорода в пользу киевского князя. Это уточнение является домысливанием ex post и опирается просто на хорошо известный в XI–XII вв. факт, что Ярослав содержал отряд наемных скандинавов. Ко времени составителей НСв и ПВЛ текст уже понимался как сообщение о дани в пользу варягов, и этот смысл делал его совершенно неактуальным – о варягах помнили только, что при Ярославе они служили наемниками, и полагали на основании преданий и произведений типа «Сказания о призвании варягов», что какие-то варяги когда-то пришли к северным «племенам» и стали «княжить и владеть».

Историческая интерпретация

То обстоятельство, что на этапе составления НСв (или даже раньше) смысл сообщения об установлении дани Игорем уже не был понятен и оно было исправлено (причем не в угоду политическим интересам), говорит о том, что текст не имел большого значения – по крайней мере, для киевских летописцев конца XI в. Это позволяет предположить, что тот порядок дани, который установил Игорь (будем говорить об Игоре вслед НСв), или целиком отошел к этому времени в прошлое, или был существенно изменен. Для проверки этого утверждения проанализируем восстановленный текст и сравним его с имеющимися данными более позднего времени, прежде всего с известием о трех тысячах гривен, которые собирал Ярослав в Новгороде в 1014 г. Текст о данях Игоря в первоначальной редакции должен был выглядеть так:

«сеи же Игорь нача грады ставити, и дани устави словеномъ и варягомъ даяти, а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и (до) нынѣ дають».

Обратимся к главной фразе: «и дани устави словеномъ и варягомъ даяти». Выше уже было замечено, что ее можно понимать двояким образом: варяги и словене были либо получателями дани, либо ее плательщиками. Мысль о том, что варяги и словене, которые предприняли военный поход с севера и захватили Киев силой, устранив его правителей Аскольда и Дира, в итоге были своим же князем обложены данью, выглядит парадоксально. Ее предложил А. А. Шахматов в «Разысканиях», занимаясь прежде всего текстологическими (ре)конструкциями и лишь во вторую очередь задумываясь об историческом правдоподобии летописного текста, им воссоздаваемого. Никаких данных других древнерусских источников или исторических аналогий в подтверждение этой мысли ни А. А. Шахматов, ни кто-либо другой до сих пор не привел. Вполне естественно, что в науке эта интерпретация поддержана не была. Значительно более правдоподобной представляется трактовка, которую выдвинул А. А. Шахматов в статье «Сказание о призвании варягов», а затем развил И. М. Троцкий: текст имеет в виду, что князь Игорь, обосновавшись в Киеве, обязал покоренное население платить дань победителям – варягам и словенам, пришедшим с Игорем из Новгорода

и охарактеризованным как его «мужи». Слово «устави» указывает на регулярный и постоянный характер платежей. Над значением этого слова уже размышляли разные историки и пришли к выводу, что речь идет об установлении некоего порядка по правилам, закону и т. д.[53] Применительно к дани это означает определение сборов (налога) по размерам и срокам.

Сообщение об основании «градов» как опорных пунктов власти нового князя и об установлении налогов является для современных историков прямым указанием на образование государства. Во фразе, предшествующей процитированному отрывку (фрагмент 3 по общему счету), летописец привел и название этого государства – Русь. Более того, как будто следуя определению государства по современным учебникам, он дал и территориальную характеристику нового государственного образования, связав его с Киевом. Он не указал, правда, точных границ государства и состава «подданных». Но это объяснимо с точки зрения человека того времени, для которого важнее были не «подданные», а правящая элита. Состав этой последней указан – это Игоревы «мужи», то есть дружина в широком смысле слова, которая по этническому признаку состояла из варягов (скандинавов) и словен. В сущности, текст представляет собой четкое, ясное и конкретное сообщение о начальном пункте политического образования, известного под названием Русь. Само по себе появление такого текста – оригинальный факт древнерусской общественной мысли, на который в историографии обращалось явно недостаточное внимание. Разумеется, большое значение имеет и историческая информация, заключенная в нем. Всесторонний анализ текста должен привести к существенному уточнению как картины складывания древнерусской государственности, так и истории раннего летописания. В данной статье нет возможности углубляться в этот анализ (ему будет посвящена отдельная работа), и я сосредоточусь только на одном аспекте – что представляла собой дань с Новгорода, о которой говорит окончание летописного сообщения.

Если в разобранной фразе говорилось об установлении дани вообще для «подданных» нового государства, то в следующей – «а от Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля» – мы видим конкретизацию «налогового устава» применительно к одному городу. Сразу возникает вопрос: почему летописец счел важным внести уточнение о характере дани именно относительно Новгорода. Проще всего было бы объяснить появление этого уточнения личными интересами его автора. Именно по этому пути пошел А. А. Шахматов в «Разысканиях», а вслед за ним И. М. Троцкий, которые приписали его творчеству новгородского летописца, дополнявшего текст киевского и сообщившего как раз о том, что ему было лучше всего известно и интересно, – о новгородской дани. Однако, как уже отмечалось выше, с точки зрения текстологии разбивать текст всего сообщения на две части нет никакой необходимости, и совершен-

[53] Ср. первоначальные суждения по этому поводу: *Гагемейстер Ю. А.* Разыскания о финансах... С. 13–17; и современную дискуссию: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 188–189.

но необязательно видеть во всяком упоминании Новгорода следы работы именно новгородского сводчика. Разумеется, теоретически нельзя исключать возможности, что вообще весь текст сообщения был написан новгородцем. Важно, на мой взгляд, не упускать из виду исторические обстоятельства, которые могли бы послужить причиной упоминания о новгородской дани вне зависимости от того, в каком городе работал летописец.

Об этих обстоятельствах свидетельствует один из самых надежных источников из числа тех, которыми мы располагаем для изучения древнейшей истории Руси, – сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империи». Византийский император излагал сведения о Руси, полученные им явно из первых рук, в 40-е гг. X в., то есть его свидетельство отстоит от событий, описанных в летописном известии, всего на несколько десятков лет. Константин оставил знаменитое описание полюдья «росов» – объезда правящей верхушкой Киевского государства славянских «пактиотов» с целью «прокормления». В данном случае важно отметить, что император указывает в списке «пактиотов», к которым отправлялись русы в полюдье, только «славинии» в Поднепровье. О Новгороде он прекрасно знает и числит его под властью киевских князей (и даже сообщает, что там некоторое время сидел Святослав, сын Игоря), однако относит его к «внешней Руси» и про полюдье там ничего не говорит.[54] Сопоставление данных Константина с летописным известием о новгородской дани в 300 гривен позволяет предположить, что упоминание этой дани в летописи объясняется именно тем, что Новгород не был подвержен полюдью «росов». В Поднепровье дань собиралась в той или иной связи с полюдьем, а Новгород, признавая власть киевских князей, но не подвергаясь полюдью, платил один фиксированный налог: 300 гривен в год.

Замечание, что побор выплачивается «и (до) ныне», показывает, что вне зависимости от того, к какому моменту относить это «ныне» (а ко времени раньше начала XI в. его относить нельзя, так как применительно к этому времени нет оснований утверждать само существование летописания на Руси), выплата была определена Игорем раз и навсегда и зависела в дальнейшем не столько от роста подчиненной Новгороду территории, численности населения, его доходов и т. д., сколько от нового соглашения с новгородцами о выплате дани. Налог, зафиксированный таким образом, был в каком-то смысле привилегией и показателем особых отношений киевских князей с новгородцами. В исключительности этих отношений нет ничего удивительного: о них сообщает летопись, подчеркивая добровольное призвание варягов во главе с Рюриком в Новгород, они подтверждаются и некоторыми соображениями историков, которые исходят из более поздних данных и археологических материалов.[55] О «привилегированности» положения Новгорода, по крайней мере в фискальном плане, свидетельствует

---

[54] *Константин Багрянородный.* Об управлении империсй. М., 1991. С. 45.

[55] См., напр.: *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 61–64.

и уникальное в своем роде уточнение о характере новгородской дани – «мира деля».

Это уточнение позволяет сопоставить новгородскую дань с налогом, известным в древней Чехии. Выше уже упоминались работы А. Н. Ясинского, который впервые собрал скудные упоминания чешских актов XII–XIII вв. о tributum pacis – налоге, который выплачивался свободными земледельцами в королевскую казну ежегодно с определенного количества обрабатываемой земли («плуга»). Сборы этого налога уменьшались в течение XII–XIII вв., и это А. Н. Ясинский связывал с ростом землевладения шляхты и церкви и сокращением количества плательщиков. А. Н. Ясинский определил размер этой дани – 12 денариев – и указал на то, что он равен, с одной стороны, тому оброку, которым обязаны были земледельцы в поместьях землевладельцам, а с другой – той плате, которой немцы обязывали покоренных полабских славян. Это наблюдение привело историка к выводу, что 12 денариев – это своего рода «первичная норма ценза», и предположил, что по происхождению это был «платеж в пользу высшей государственной власти» «свободных людей покоренных племен». Опираясь на данные одного документа XII в., которые свидетельствовали, что от tributum pacis могли освобождаться те, кто нес особые повинности, историк объяснял ее название («дань мира») «справедливостью» такого разделения государственного бремени.[56]

Кроме этого последнего вывода, все остальные выводы А. Н. Ясинского были подтверждены и частично развиты дальнейшими исследованиями. В современной литературе «дань мира» расценивается как первичная форма основного налога со свободных людей в пользу общепризнанной власти. В Чехии ее также могли называть tributum regis, tributum annuum, commune tributum terrae. Единицей обложения было определенное количество земли. Однако дань по приблизительно той же ставке (около 12 денариев) в Польше могла называться не только poradlne, но и podymne, то есть взиматься не от «плуга», а от «дыма».[57] Существенное уточнение вносится относительно понимания ее названия как «дани мира». А. Н. Ясинский придал слишком большое значение одному частному случаю освобождения от дани (в документе, на который он опирался, речь шла об освобождении от дани жителей одного округа, обязанных сторожевой службой и составлявших, видимо, «служебную организацию»). Смысл же упоминания мира был, как показывает специальное исследование Д. Тржештика, в обозначении «общественного мира», гарантом которого выступала княжеская (королевская) власть: обеспечивая защиту свободным людям, она взимала за это пла-

---

[56] *Ясинский А. Н.* Падение земского строя... С. 68–72. В более поздней работе Ясинский корректирует свои взгляды относительно освобождения от дани и тех, кто был обязан ее платить. В частности, он уточняет, что дань должны были платить не вообще все свободные люди, а «поселенцы-гости, осевшие на государевой земле» (*Ясинский А. Н.* Очерки и исследования. С. 275–281). Этот вывод не нашел поддержки в последующей историографии.

[57] См. с указанием литературы: *Žemlička J.* Čechy v době knížecí (1034–1198). Praha, 1997. S. 165.

ту. Важно, что защита обеспечивалась именно и только свободным людям. Это обстоятельство выделено в названии, которое по сути та же самая дань имела у венгров – liberi denarii, то есть «свободные денарии». Обобщая все эти данные, Д. Тржештик писал о введении в Чехии этой дани около 965 г. Болеславом I следующим образом: князь «установил дань в размере около 12 (или 15 ?) денариев ежегодно с каждого свободного. Ее название „дань мира" указывает на то, что понималось как наивысшая цель и оправдание княжеской власти, т. е. на установленный мир, в характерном для той эпохи „языческом", еще праславянском понимании мира не только как покоя среди людей, но и вообще правильного, „правого, справедливого" устройства мира. В Венгрии та же самая дань называлась liberi denarii, т. е. это была дань „за свободу". Обе дани удостоверяли свободу тех, кто ее платил, и были в каком-то смысле привилегией».[58]

Таким образом, исходя из наблюдения об особых отношениях Новгорода и Киева в начальной истории Руси, дань, установленную князем Игорем с Новгорода, можно рассматривать как аналогию чешскому tributum pacis и другим «первичным» архаическим налогам в соседних с Русью регионах. Эта дань удостоверяла полноправный статус новгородцев, которые могли в полной мере рассчитывать на защиту княжого права («мира»), и в то же время выделяла их по сравнению с остальными территориями (всеми или большинством – об этом судить нельзя), завоеванными варяжскими и словенскими «мужами» во главе с Игорем. Имело ли это выделение реальные экономические выгоды, или значение его было скорее символическим, нельзя определить, потому что неизвестен точный порядок полюдья и налогообложения в других регионах, подчиненных Руси. Не стоит гадать и о том, с кого именно и по какой норме собирались эти 300 гривен – летопись по этому поводу не дает никаких намеков.

Последний элемент нашего летописного отрывка – хронологическая отсылка «еже и (до) ныне дают» – касается судьбы дани спустя какое-то время после ее установления. Ее следует сравнить с тем известием начального летописания, которое тоже говорит о дани с Новгорода и которое еще Н. М. Карамзин привлек для анализа сообщения о дани, установленной Олегом (Игорем). Это – известный текст, с которого начинается летописный рассказ о смуте, разразившейся после смерти Владимира Святославича. Под 6522 (1014) г. в НПЛмл сообщается, что незадолго до смерти Владимира Ярослав, пребывавший в Новгороде, отказался предоставлять в Киев отцу причитающиеся с него деньги:

«Ярославу же живущу (*Ак, Тол*: сущу) в Новьгородѣ и урокомъ дающю дань (*в Ак, Тол нет*: дань) Кыеву 2000 гривен от года до года, а гысящу Новьгородѣ гридемъ раздаваху, и тако даяху въси князи новгородстии, а Ярославъ сего не даяше къ Кыеву отцу своему».[59]

---

[58] *Třeštík D.* Z formování se střední Evropy a symbolický rok 1000 // České země v raném středověku. Ed. P. Sommer. Praha, 2006. S. 17.

[59] НПЛ. С. 168.

ПВЛ имеет два небольших разночтения. Во-первых, как и в списках НПЛмл *Ак* и *Тол*, в словах «урокомъ дающю Кыеву» пропущено слово «дань». Во-вторых, исправлено пояснение о принятой практике выплат: «и тако даяху [вси] посадници новъгородьстии», то есть представителями киевского князя в Новгороде указаны не князья, как в НСв, а посадники.[60] Эти разночтения свидетельствуют в пользу того, что в ПВЛ была произведена вторичная правка, но поскольку они не имеют прямого отношения к теме статьи, я на них не останавливаюсь.

Историки, сопоставляя этот текст с сообщением о дани Олега (Игоря), недоумевали, почему изменился объем налоговых сборов в Новгороде со времен обоснования руси в Киеве к 1014 г. – с 300 до 3000 гривен, если считать вообще весь сбор с новгородцев, до 2000, если считать выплату в Киев, и до 1000, если считать, что гриди – это те же получатели дани, то есть та же «дружина» или «наемный гарнизон», что и варяги в сообщении об Олеге (Игоре). Это затруднение было одной из причин, которая заставила А. А. Шахматова и А. Н. Насонова вообще отказать известию об установлении дани Олегом (Игорем) в достоверности (см. выше). По их мнению, известие о дани Олега (Игоря) писал новгородец, скорее всего, в правление Ярослава, когда изначальный сбор с новгородцев в 3000 гривен был снижен за их заслуги в борьбе Ярослава со Святополком до 300.

На мой взгляд, противоречий между двумя летописными известиями нет. Дело просто в том, что историки, сопоставляя цифры, приведенные в этих известиях, недостаточно ясно представляли себе смысл первого из них. Ключевой для понимания сути того сбора, который установил Игорь, является аналогия с чешским tributum pacis и другими подобными налогами в разных регионах. Благодаря этой аналогии выясняется, что речь шла о налоге архаического характера, который обозначал своего рода договор между свободными людьми той или иной общности и князем, представлявшим верховную власть и выступавшим гарантом общественного «мира». Этот в каком-то смысле символический налог был, по всей видимости, первоначально не просто главным, но и единственным в пользу князя. Размер его сначала был точно определен ставкой налогообложения с одной единицы, а потом довольно длительное время, видимо, не пересматривался.

Ярослав же «уроком», то есть согласно определенной норме, давал 2000 гривен в Киев, а 1000 раздавал своим гридям. Был ли это вообще весь сбор налогов, который поступал в его пользу, не говорится. Тем более не говорится, с кого и с какой территории собирал налоги Ярослав. Вероятно, что 3000 гривен являлись, действительно, всей суммой ежегодных сборов. На это намекает и слово «дань» в списке *Ком* НПЛмл. Но в то же время очевидно, что эти сборы составляли далеко не только прямые налоги с жителей; сюда же входили, например, и поступления от суда («продажи», виры), и торговые пошлины и пр. Наверняка это были сборы не только с Новгорода, а со всей территории, подчиненной

[60] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130. Ср. в Ипатьевской: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 114–115.

Ярославу как новгородскому князю (которая ко временам Ярослава должна была вырасти по сравнению с началом X в.).

Таким образом, прямой зависимости между сбором, установленным Игорем, и теми сборами и выплатами, которые осуществлял Ярослав, ожидать не следует (в этом был прав М. П. Погодин). Другое дело, что древняя дань «мира деля» с новгородцев могла входить составной частью в эти 3000 гривен и вообще в состав сборов, которые причитались представителю верховной власти в Новгороде и могли составлять в разные времена и больше, и меньше 3000 (хотя «урок» в Киев, вероятно, оставался фиксированным). Весьма правдоподобным выглядит наблюдение А. Н. Насонова, который связал с древними выплатами киевским князьям, в том числе и новгородской данью в 300 гривен, налог, известный в источниках, происходящих из XII в., как «погородие».[61] Неясно, правда, поступал ли этот налог в XII в. по-прежнему в Киев или оставался в распоряжении местной власти. Неясна и его величина в XII в. Возможно, в разных областях судьба этого налога была разной. Во всяком случае, исправление вместо «еже и (до) ныне дают» на «еже не дают», которое, вероятнее всего, надо относить к творчеству составителя НСв (т. е. к 1090-м гг.), говорит о том, что к концу XI в. дань в 300 гривен, если вообще и собиралась, не уходила в Киев, а оставалась в Новгороде.

Выводы

Изучение летописного отрывка об установлении первой дани в Киевской Руси показало, что текст, представленный в НПЛмл, старше текста ПВЛ и восходит к НСв. В ПВЛ мы видим вторичную переработку этого текста, не содержащую достоверной исторической информации, кроме свидетельств о представлениях книжников начала XII в. Вместе с тем, известие НПЛмл не является первоначальным. Об этом говорят его неясность и непоследовательность в сообщении о том, кто и кому дает дань, а также наличие в других летописях альтернативных вариантов к отдельным чтениям, представляющихся более правильными с текстологической и исторической точек зрения.

Анализ этих альтернативных чтений и внутренняя критика известия НПЛмл привели к выводу, что в тексте НПЛмл есть одна вставка и одно исправление, – если не считать слово «прочии», появившееся в результате заимствования из ПВЛ в НСС, а через его посредство в списках НПЛмл, во фрагменте 3 (согласно предложенному в начале статьи разделению известия на смысловые фрагменты). Вставкой является фраза о дани, которую якобы должны были получать варяги с кривичей и мери (фрагмент 6). Исправление касается сроков выплаты дани в 300 гривен с Новгорода: в первоначальном тексте стояло «еже и (до) ныне дают», а исправлено было на «еже не дают». Нельзя с уверенностью отнести эти вмешательства в первоначальный текст к творчеству одного сводчика и к определенному этапу летописания. Ясно, однако, что добавочная фраза о дани была уже в НСв, так как ее использовал составитель ПВЛ,

---

[61] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства… С. 47.

опиравшийся непосредственно на НСв. Исправление «еже не дают» было в новгородской владычной летописи, а значит, восходит к новгородскому «своду 1167 г.» и скорее всего также к НСв. Вероятным представляется, что первоначальный текст был представлен в несохранившемся владычном «Новгородском своде XI в.», который был в распоряжении сводчиков 1410–20-х гг. Неслучайно в группе «ростово-московских» летописей не только присутствовало более правильное чтение «еже и (до) ныне дают», но и не упоминались кривичи и меря, фигурирующие во вставке.

Реконструкция первоначального текста известия позволила предложить новую интерпретацию дани, установленной князем Игорем после захвата Киева. Эта дань шла в Киев с Новгорода, и она стала вознаграждением победителей и в то же время источником существования правящей элиты нового государства – Киевской Руси. Летописец, вполне осознанно и целенаправленно сообщавший об образовании этого государства, указал его важнейшие черты: главу (князь Игорь), состав правящей элиты («мужи» словене и варяги), столицу (Киев), – а также обозначил первостепенные мероприятия правителя по укреплению своей власти: строительство городов и введение налогов. К этим указаниям общего характера добавлено одно частное замечание относительно характера дани с Новгорода. На мой взгляд, это замечание надо связывать не с тем, что его автор-летописец был новгородец, а с исключительностью положения Новгорода в новом государстве. Фискальные отношения новгородцев с киевским князем регулировались особым соглашением. Характеристика дани «мира деля» отсылает к дани, известной по чешским источникам под названием tributum pacis, первоначальный смысл которой состоял в обозначении своего рода договора между свободным населением и правителем, власть которого оно признало. Сначала дань составляла 300 гривен, и в этом размере она выплачивалась еще в XI в. Однако, скорее всего уже до момента составления НСв, то есть до 1090-х гг., выплаты прекратились или был изменен их порядок, так что сводчику пришлось исправлять первоначальное указание о дани «еже и (до) ныне дают» на противоположное по смыслу – «еже не дают». Эволюция социально-политического и экономического строя Древнерусского государства естественным образом привела к изменениям в фискальных отношениях Новгорода и Киева в XI–XII вв.